

Города будущего: повседневность в Ангарской деревне и за ее пределами

Практики письма в антропологии между наукой и литературой

Выступление, подготовленное к собранию в Центре Независимых Социальных Исследований 18 июля 2018, Иркутск (на собрании были использованы лишь отдельные фрагменты)

Я благодарна Анне Беяниной за инициативу этой встречи, Александру Верхозину за участие в организации, и Михаилу Рожанскому за предложение провести встречу здесь, в Центре Независимых Социальных Исследований в Иркутске. Иркутск отмечен в моей воображаемой карте интеллектуальной жизни России и мира яркой звездой, не в последнюю очередь благодаря деятельности Центра. Когда речь шла о подготовке этой встречи, мы попытались сформулировать тему, которая удовлетворяла бы интересам широкой аудитории, и вместе с тем адресовалась бы сообществу социальных ученых, профессионалов, которые в своей деятельности сталкиваются с общей трудностью, а именно: каким образом осуществить перевод или трансдукцию всего того беспорядочного, горячего, бесформенного, того что антрополог, социолог или наблюдатель видит «в поле», то есть, саму жизнь, в форму текста, который отдает должное сложности места, населенного людьми, сложности взаимоотношений, меж-человеческих и меж-нечеловеческих, например, взаимоотношений между человеком и средой, которые складываются вокруг деятельности существа.

Трансформировать путевые заметки, отдельные нотатки, в текст, который будет что-то аргументировать и вносить нечто новое в уже имеющийся контекст, это не простая задача, да и задача ли? Ситуация осложнена, как мне кажется, тем, что и чтение, и письмо претерпевают изменения в современном мире. Наше сознание становится все более фрагментарным, подверженном эпизодичности; новости и отрывки информации, которые мы получаем между обыденными делами нашей жизни, становятся все более короткими и раздробленными, и мы много времени проводим онлайн. Философ и лингвист Борис Гройс как-то заметил, что говорить люди стали письменно. Можно было бы добавить, а встречаться люди стали – онлайн. Сейчас событие по сути не произошло, если оно не отобразилось в сети, что практически равнозначно обратному: событие происходит тогда, когда оно зафиксировано в сети, а случилось ли оно на самом деле или нет, становится нерелевантным. Происходящие перемены есть перемены значительного размаха, и академия, и литература, может быть, одинаково не успевают осознать серьезность этих изменений. Подготовка текста является продолжительным процессом, проходящим неповоротливые механизмы. Но главное, и читать ведь люди стали по-другому. Я приехала в Иркутск, который я периодически посещаю, на сей раз на поезде Москва-Улан-Удэ, и, поскольку, как я убедилась, к своему огорчению, интернет-связь на всем протяжении пути с горем по полам работала только в населенных пунктах, на станциях, и то не везде, я успела дочитать, в достаточно расслабленном режиме, философский трактат и прочитала половину антропологической книги за два или три дня. Друг пошутил, что чтобы дочитать ее, мне придется теперь поехать в обратный путь так же, на поезде. И дело тут не столько в моей личной

неспособности сосредоточиться на чтении – многие свидетельствуют о том, что они стали читать иначе. Возможно, не меньше, но с меньшим ощущением целостности и неразомкнутости пространства того мира, в который ты попадаешь, как запойный читатель, проваливаясь в книгу целиком. Сейчас каждые пятнадцать страниц ты должен отвлекаться на то, чтобы проверить твиттер или ответить на сообщение.

Грёзомир Аносово

Когда подъезжаешь к Аносово на метеоре, то видишь на склоне холма несколько улиц, построенных одна над другой (их шесть) и постройки загадочного назначения, например, шесть цистерн с одной стороны, ангарообразное строение справа от деревни, полосу леса слева, которая должна, как мне объяснили, заслонять деревню от резких ветров с Ангары. Верхняя улица почти совсем сейчас состоит из нежилых домов. Деревня Аносово расположена в Усть-Удинском районе Иркутской области, приблизительно на середине пути метеора, который некогда курсировал между Братском и Иркутском.¹ Аносово появилось на этом месте потому, что в свое время попало в зону затопления Братской ГЭС. Оно было перенесено выше по склону Ангары и объединено с другими деревнями: Яндой, Подъяндушкой (в несколько дворов), Шишиморовкой, Федоровкой, Берниково и Бутаково. Самым старым пунктом поселения среди них была деревня Янды, которая существовала как царский острог, известный с 1660 года, что лишь на тридцать лет позже Братского острога, основанного в 1631 году. Однако, новое поселение было названо не по имени старейшего поселения. «В соответствии с государственными планами консолидации, маленькие деревни вливались в более крупные поселения. Необходимо было перенести 248 поселений....Только в одном Братском районе население шестидесяти трех поселений должно было переместиться в шесть населенных пунктов» (Орлова В. со ссылкой на Чепеля М.А., стр.120).

Новые поселения, возникающие в исторической перспективе как по мановению ока, поблизости от Братска, который изменился кардинальным образом, являлись новым шагом преобразований страны и Сибири, следующим этапом в котором визуализировалась дальнейшая, более масштабная индустриализация. Консолидация Ангарских деревень, попавших в зону затопления, представлялась участникам процесса как промежуточный шаг, транзит в грядущее, вдохновленный образами в том числе городов будущего. В 1960-х годах футуристические идеи *vu jubv* казались достижимыми, речь шла о необходимости покорения космоса и больших энергий. У местных жителей не было ощущения, что эти таежные леспромхозы и колхозы, агломерации предприятий и организаций Советского хозяйствования, являются конечным пунктом их путешествия. Это было государственное включение местного населения в реализацию тех задач по преобразованию страны, которыми грезили планировщики и архитекторы социалистического будущего. Лес был нужен стройкам, новым комбинатам, производящим мебель, станки, бумагу, рабочий материал. Пропагандировалась идея, что села, реорганизованные в поселения полугородского типа, будут развиваться и дальше, что коммунизм близок. Жители говорят, что было обещано, что в этих селах электричество будет если не бесплатным, то стоить мизерные средства, поскольку они, так сказать, пожертвовали своей оседлостью, извечным местом своего пребывания. Были ощущения и ожидания, что будущее готовит нечто намного более

¹ Теперь, в связи с измельчением реки Ангары, метеор отправляется из Баланганска.

величественное, глобальный проект коммунистического преобразования мира. Дети мечтали быть летчиками, космонавтами, капитанами дальнего плавания; семьи выписывали газеты и журналы, которые были наполнены футуристическими мотивами, робототехникой, и были ориентированы на романтические представления о завтрашнем дне, - такие издания, как «Техника молодежи», «Пионерская правда», «Комсомольская правда», «Наука и жизнь» и другие.

Однако, одновременно с этими идеями и целями существовали и настроения, связанные с сожалениями по утраченным родным местам, по кладбищам и родным пепелищам, по всем знакомым с детства очертаниям местности, по Ангаре, которая была прозрачной, быстрой и чистой, по островам с заливными лугами и земляникой, которые часто встречались по среднему течению реки, и по укладу жизни, который был характерен для этих мест. Об этом сожалении и о конфликте писал Валентин Распутин в «Прощании с Матёрой».

Теперь и дети, мечтавшие быть космонавтами, выросли и являются уже стариками. Центральное электричество так и не было проведено в эти села. Так и не были проложены линии высоковольтных передач через среднее Приангарье. В консолидированных поселках вместо центрального электроснабжения в 1960-х годах были установлены автономные дизельные электростанции как временная мера, они и до сего дня остаются основным источником энергии. И нет реальной перспективы получить электрическую сеть по Приангарью. Это основной парадокс места: сдвинутое ради электроэнергии для региона, 57 лет спустя оно не имеет доступа к центральному электричеству.

В Аносово мне рассказывали, что в числе неповторимых, запомнившихся на всю жизнь ощущений, дети в Яндах запомнили вкус горелых сладостей. Когда в Яндах сгорела церковь, которая к тому времени, конечно, уже не использовалась по прямому назначению, а являлась складом продовольствия ОРСА,² дети выискивали в золе спекшийся шоколад, конфеты, вареную сгущенку, и ели сладости с запахом и вкусом дыма. Они и в старости вспоминали этот неповторимый вкус.

Иркутский художник А.М., побывавший в Аносово в 2016 году и наблюдавший и другие деревни, вышедшие из зоны затопления, говорил, что люди думали, что сейчас здесь будут чуть ли не открыты космические станции, что задача коммунистического строительства состоит в том числе, в отдаленной перспективе, в том, чтобы покорить другие планеты, согласно Циолковскому. Каскад Ангарских ГЭС был по сути актом покорения и освоения нашей планеты. В утопических представлениях были отблески учения и Мичурина – биополитические режимы предусматривают, что трудятся на пределах и за пределами биологических возможностей организма не только человеческие существа, но и животные и растения. «Плодоводы будут правильно действовать в тех случаях, если они будут следовать моему постоянному правилу: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача» (И. В. Мичурин, «Итоги шестидесятилетних трудов по выведению новых сортов плодовых растений», изд. 3-е, М. 1934). Донна Харауэй и Анна Цинг в своих поисках родства, расширяющего связи за пределы меж-человеческих, были таким образом предсказаны, в определенном смысле, советскими теоретиками. «Прометеонизм», свойственный, тому времени по мнению историков и теоретиков Советского, был не просто деталью временем,

²ОРС – Организация Рабочего Снабжения

вдохновением или устремлением, но представлял собой часть того, что антрополог Крейг Кэмпбелл (мой руководитель и соавтор по ряду работ) предлагает назвать «Прометеоцен». «Прометеоцен» это часть Антропоцена – того геологического периода, о времени начала которого существуют споры, но о том, что он продолжается по сей день, сомнений, вроде бы, ни у кого нет. Антропоцен это период, когда деятельность человека приобрела такой размах, что изменила саму ткань планеты, способ и вид жизни на ней, уклад мироустройства для всех жизненных сообществ, как человеческих, так и нечеловеческих. А Прометеоцен это под-эпоха Антропоцена, когда такое изменение возводилось в задачу и было ожиданием, когда технологическое и индустриальное развитие приобрело такой размах, что человек становился не только осуществляющим коренное геологическое преобразование, но и его инструментом, причем не только неосознанно, но и сознательно, видя в этом свою цель. Изменение человеком земли расценивалось как задача и цель человеческой деятельности, планета должна была быть лучше оборудована для «веселия», вспомним Маяковского: «Для веселия планета наша мало оборудована. // Надо вырвать радость у грядущих дней». Тот же мотив вырывания радости у дней, переоборудования планеты, взятия ресурсов у природы, проглядывает в локальной прессе, например, в «Ангарской правде» или «Огнях Ангары», где выясняется, что животные были вовлечены в этот прометейский замысел наравных с человеком. Например, Усть-Удинская районная газета, первый номер которой вышел 1-го мая 1934 года, как говорит сайт Усть-Удинского музея, «Называлась она тогда «За большевистские колхозы», издавалась Усть-Удинским РК ВКП (б) и районным Советом депутатов трудящихся...В разные годы жизни издание меняло свои названия: «За большевистские колхозы», «По сталинскому пути», «Ангарская правда», «Усть-Удинские вести». Однако концепция газеты всегда оставалась одна — быть своеобразным зеркалом жизни, отражать всё её многообразие». (http://ustudamusei.ru/?page_id=178)

1-го мая 1960 г., тогда «Ангарская правда», в номере 50 (2098) опубликовала разворот с повышенными обязательствами колхозов и колхозников Усть-Удинского района, среди которых были такие: «Т.А. Мелентьева, доярка колхоза «Гигант». Ее обязательство на 1960 год - надоить 2900 литров молока на корову». «Птичница колхоза «Прогресс» комсомолка Тамара Федорченко обязалась получить в 1960 году по 110 яиц на курицу-несушку». Одновременно с этим, продолжалась подготовка ложа Братского водохранилища, переносились строения.

Владимир Маяковский в 1929 году в журнале «Чудак» опубликовал стихотворение «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка», к которому эпиграфом стоит нечто повторяющее по стилю деловое и одновременно победное послание, републикованное к 1960-ому году в печати много тысяч раз: «К этому месту будет подвезено в пятилетку 1 000 000 вагонов строительных материалов. Здесь будет гигант металлургии, угольный гигант и город в сотни тысяч людей».

Картина лишений героев не останавливает их в их планах.

Но шепот

громче голода -

он кроет

капель

спад:
"Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!

...

Здесь
встанут
стройки
стенами.

Гудками
пар,
сипи.

Мы
в сотню солнц
мартенами
воспламеним
Сибирь.

Здесь дом
дадут
хороший нам
и ситный
без пайка,
аж за Байкал
отброшенная
попятится тайга".

Как сказал один из моих собеседников, «Провозглашать планы с трибун партийных съездов было легко. Но глобальный подход стал самой сутью времени. Мелочами не мыслили. Многим казалось, что идеологические, материальные, мобилизационные возможности, после войны и победы, при социализме, были неисчерпаемы.»

После тридцати лет жизни Аносово на новой территории, Советский Союз распался в 1991 году, однако леспромхоз Егоровский продолжал свое существование вплоть до 24 октября 2003 года, когда он был ликвидирован. Это был большой леспромхоз, организованный сразу после переезда, и он являлся основным поставщиком рабочих мест в округе и давал работу четырём деревням, включая Аносово. К этому моменту, первосортные ресурсы лесозаготовки были выработаны, и, как деревенские жители говорят, остались только щепки. После этого настал период, который продолжается и сейчас, период, который антропологи называют «прекарити» – неуверенность в завтрашнем дне, неясность, отсутствие основательных надежд на завтрашний день. В общем, ситуация, в которой для многих проще уехать, чем остаться, если есть возможность.

Я наблюдаю Аносово на протяжении многих лет, начиная с 2006, когда я там побывала впервые, и нынешним летом, на следующий день после данного разговора, я отправляюсь туда в самую длинную свою поездку, на четыре месяца – за что я должна поблагодарить Global Research Fellowship, стипендию глобальных исследований – и если в 2006 году мне говорили, что в Аносово живет порядка 700 человек, в 2016, их было уже 600, а теперь, 500. В 1970-х годах, популяция, по воспоминаниям жителей, была в районе 2 тысяч человек.

Я хочу отметить, что книга, которую сегодня я привезла в Сибирь, «Антропология повседневности» - это не итог моей работы как антрополога, а скорее подведение итога работы с регионом как литератора. Итогом моей работы должна стать диссертация на английском языке, которая, в идеале, должна выйти на Западе и быть переведена на русский язык. Однако, книга, которая была издана сейчас, в 2018 году, очень важна для меня, потому что она написана на русском языке, и не для западного читателя. Моя связь с Аносово является личной. Не смотря на то, что я никогда не жила в Аносово, за исключением времени моих полевых исследований, в Яндах, ныне затопленных, родился мой отец и на бульдозере, расчищая реку от снега, уже после переезда, провалился под лед и погиб мой дед. Вскоре моя бабушка увезла моего отца, еще мальчиком, сначала в Шелехов, потом в Березовку возле Свирска, потом в Половину. В общем, связь моя с местом не такого рода, чтобы посвящать жизнь расследованию этой связи. Однако, Аносово поразило меня из всех мест, где я бывала, тем, что оно находилось между несколькими мирами: миром технологических инноваций своего времени и миром патриархального уклада хозяйствования, миром, который обещал изумительное будущее, но делал это в прошлом. Как бы миром утопическим, обращенным в будущее, которого больше не существовало.

Вопросы, на которые я ищу ответы, следующие: (1) Каким образом люди обживают это пространство, навигируют его – а оно чрезвычайно сложно для жизни. Для решения простых задач, вроде устранения зубной боли или смены шины, нужно задумывать сложную логистическую операцию – и (2) Как люди принимают ежедневные решения о мобильности, о том, куда поехать и поехать ли, а если поехать, то как надолго, почему они уезжают, почему они возвращаются, и почему они остаются? Я трактую решение остаться не как проявление инертности и отказ от мобильности, иммобильность или отсутствие мобильности, а как позитивное решение,

принимаемое каждый день из ряда альтернатив, более или менее вероятных, как исполнение воли человека в сложившихся условиях.

Многие антропологи и сейчас еще, в мире, полном искателей новых мест, убежищ, наводненном береженцами, переселенцами, считают, что дефолтная установка человеческого существа – это продолжать развиваться там, где он родился. Я полагаю, что давно уже это не так. Напротив, ожидание, для огромного количества людей, состоит в том, что человек умрет не в том месте, где он родился, и не поблизости. Мир мобилен. Люди пребывают в постоянном движении. Социолог Джон Урри в 2006 году выпустил книгу «Мобильности», которая исходит из этой противоположной идеи, что мобильность, а не оседлость, является основой самой ткани социальной реальности. Сейчас издается журнал с одноименным названием. Университет в Вене открыл междисциплинарную программу по исследованию социальных аспектов мобильности. Антрополог, профессор Ноэль Салазар является одним из значимых авторов и организаторов этой работы.

Но тему мобильности мне бы хотелось закрепить и укоренить в конкретном контексте. В этом контексте первое, с чем я столкнулась, это исследование того, как упрямая материальность мира и построенных инфраструктур, в том числе уже не функционирующих, или полуфункционирующих, а также функционирующих не тем образом, который был изначально задуман, во многом предопределяет движение людей. Для Делеза и Гваттари, «желающие машины»,³ то есть индивидуумы, которых Варк МакКензи определяет как «молекулярные красные», агрегируют в социус (socius), в группу таких машин, которые в своих действиях существуют в диалектике молекулярного и молярного, то есть характерного одновременно для индивидуума и для группы. Это противостоит традиционному представлению о том, что социализм рассматривает коллективное как имеющее примат перед индивидуальным, в то время как капитализм, напротив, делает упор на индивидуальное перед коллективным. Тезис Делеза и Гваттари состоит в том, что нет такого молекулярного, которое одновременно не функционировало бы как молярное, как верно и обратное. В «Антиэдипе», Делез и Гваттари говорят: «Нет ни одной молекулярной формации, которая бы не являлась сама по себе инвестицией молярной формации. Нет желающих машин, которые существовали бы вне социальных машин, которые они формируют в более крупном масштабе, и нет социальных машин без желающих машин, которые наследуют социальные машины в более мелком масштабе.»⁴ (2009, 340).

Одновременно с желающими машинами, Делез и Гваттари вводят понятие технических машин, машин как мы бы употребляли этот термин в буквальном смысле, и если технические машины очевидно не работают, когда они выходят из строя, желающие машины, по мысли Делеза и Гваттари, работают именно тогда, когда поток прерывается. Они начинают функционировать именно в разрыве функциональности. Желающие машины именно тогда и работают, когда «они не функционируют правильно»⁵ (Делез и Гваттари, 2009, 31).

³ Здесь и далее переводы текстов мои.

⁴ "...There is not one molecular formation that is not by itself an investment of a molar formation. There are no desiring machines that exist outside the social machines that they form on a large scale; and no social machines without the desiring-machines that inhabit them on a small scale." (Deleuze and Guattari, 2009, 340).

⁵ "in fact run only when they are not functioning properly." (Deleuze and Guattari, 2009, 31).

Антрополог Брайан Ларкин, теоретик инфраструктуры, заметил, что в то время как инфраструктура хранит в себе желания, фантазии мечты, она также производит мечты, фантазии и желания, он говорит: «Инфраструктуры существуют как формы отдельные от их чисто технических функций, и они должны быть проанализированы как конкретные семиотические и эстетические средства передвижения, средства перемещения в пространстве (vehicles), ориентированные на тех, кому они адресуются. Инфраструктуры возникают и хранят в себе формы желаний и фантазий и могут приобретать фетишистские аспекты, которые подчас могут становиться полностью автономными от их технических функций» (Ларкин, 2013, 329).⁶

С этой точки зрения, грунтовая дорога в Аносово, которая одно время была отсыпана, при Советском периоде, но с тех пор была много раз разбита трелевочниками, чье состояние является предметом постоянных рефлексий в Аносово, становится амбивалентным объектом. С одной стороны, не подлежит сомнению, что если бы эта дорога была отсыпана, коммуникация с внешним миром и решение бытовых вопросов и задач стало бы более легким делом, а с другой стороны, я наблюдала и эмоции вражды и нежелания вторжения посторонних, когда, например, в деревню пребывают странствующие коммивояжеры, продавцы одеял и старьевщики, скупающие хлам, поскольку это нарушение некоего уже принятого курса повседневности, к которому все привыкли и нарушение которого встречается с тревогой. Дорога становится аффективным объектом, непроницаемость которого вызывает такие же сильные чувства, как и внезапная проницаемость, когда становится понятно, что она недостаточно непроходима для того, чтобы до села не добирались посторонние.

Отсюда берет начало моя идея «аффективных инфраструктур». «Аффективный поворот» в антропологии, берущий начало от идеи Спинозы об аффекте как чем-то, что одновременно влияет и на что оказывается влияние, сегодня представлен рядом авторов, таких, как Кейтлин Стюарт, Брайан Массуми, Сара Ахмед, Лаурен Берлэнд, Нигель Трифт и многих других. Это поворот к аффективному режиму восприятия реальности. Примерами аффектов могут служить ностальгия, меланхолия, «паритизм отчаяния» (Сергей Ушакин). В моей системе координат, инфраструктуры являются рассадниками аффекта, они пробуждают аффекты в свою очередь претерпевают воздействие, что делает их субъектно-объектным феноменом, одновременно воздействующим и принимающим воздействие. Аффект строительства Братской ГЭС, например, чрезвычайно сложен, так как в нем сплелись гордость от выполнения сложнейшей задачи, связанная с гордостью вообще за страну, а также аффект, зафиксированный Валентином Распутиным в «Прощании с Матерой» - сожаление о погубленных экологиях и ушедших укладах жизни.

⁶ Brian Larkin: "But infrastructures also exist as forms separate from their purely technical functioning, and they need to be analyzed as concrete semiotic and aesthetic vehicles oriented to addressees. They emerge out of and store within them forms of desire and fantasy and can take on fetish-like aspects that sometimes can be wholly autonomous from their technical function." (Larkin, 2013, 329). Infrastructures are functioning in their very malfunction. A broken automobile becoming an immobile part of the landscape turns into an object where a family of mice takes refuge, under which a bird weaves a nest, and a colony of fungus begins repainting surfaces. While the object out of order is no longer used in the capacity for which it was produced, it enters the other cycles of circulation, potentially the cycles that remain affective and interact with the environment and people on the levels of determining actions, participating in events, and invoking emotions.

Аносово является для меня неким символом пост-советского «застоя»⁷ и одновременно стартовой площадкой, где возможны научные открытия в ответах на вопросы: какие аффективные модусы привязанности удерживают людей в известных им формах бытования? Как аффективные инфраструктуры влияют на принятие ежедневных решений?

Литература ли антропология?

У каждого антрополога есть то, что Сара Ахмед назвала «угол вхождения» (angle of arrival). Заниматься антропологией может ученый с любой предварительной подготовкой, от социологической, как Алексей Юрчак и Крейг Кэмпбелл, до политологической, как Сергей Ушакин, а равно и литературной, и философской. К числу философских антропологов я бы отнесла Кейтлин Стюарт. Сравнение между Российской и Западной антропологией в их методах должно быть результатом специального исследования, я же могу только поделиться своими ощущениями. По моим ощущениям, Российская антропология часто описательная, и написана с использованием формального языка, а также нередко относится с сомнением к такому инструменту, как устная история. Например, книги Светланы Алексиевич, которые на Западе изданы с подзаголовком «устная история», oral history, в Российских таксономиях существуют как литературные работы. У меня нет сомнения, что Алексиевич могла бы вписаться в этнографические контексты на Западе, и быть не столько литератором, сколько антропологом, если бы она захотела. Западная антропология, зачастую производит аналитический травелог, обладающий литературными качествами – возможно, это своего рода следствие диктата рынка, ведь книгу должен кто-то купить.

Филипп Дескола в «Копьях сумрака» (Spears of Twilight) говорит даже, что на самом деле мечта любого антрополога это быть литератором (цитирую не буквально), с чем, вероятно, многие антропологи не согласятся. Этнография это инструмент, которым активно на Западе пользуется и социология, причем внутри дисциплины, насколько я могу судить, есть трения, и социология, оперирующая статистическими, математическими методами, как мне жаловались социологи, считается более совершенной формой науки, нежели этнографическая социология. Есть и социокультурная антропология, активно пользующаяся социологическими методами, например, к числу таких авторов можно отнести Сюрси Штюрм. Ее книга «Стать индейцем: борьба за идентичность чероки в 21 веке» (Becoming Indian: The Struggle Over Cherokee Identity in the Twenty-first Century) задается вопросом, почему популяция индейцев чероки стала расти в Америке, действительно ли биологически популяция растет с такой скоростью, или это происходит каким-то другим образом, и выяснила, что белые американцы активно присваивают эту идентичность на различных основаниях, иногда столь сомнительных, как некая семейная легенда о предках, о чероки-прабабушке, потому что это сопряжено с целым комплексом преимуществ, реальных и мнимых, и изменяет позициональность субъекта и соответственно его отношение к событиям, происходящим в мире.

Исторически, антропология была всегда очарована с инаковостью человеческих существ, с их друговостью (otherness), каковая инаковость была использована как инструмент экзотизации, расиализации, гендеризации другого. Изначальная колониальность, иерархичность такого подхода в двадцатом веке начала все более нервировать антропологов и субъектов их исследований – и

⁷ «Застой», при его нагруженности в Советской истории, является термином, который описывает отсутствие притока нового, будь то кровь, деньги, люди или идеи.

появилась фигура так называемого «родного антрополога» (native anthropologist). В 1993 году, антрополог Кирина Нарайан писала: "Парадигма, поляризующая «нативного» антрополога и «настоящего» антрополога, происходит из колониальных условий, в которых антропология как дисциплина была выкована: во времена, когда «местные» были настоящими «местными», нравилось им это или нет, и объективность наблюдателя, вовлеченного в научное изучение Других сообществ не представляла собой проблемы.» Сейчас объективность наблюдателя – это, безусловно, научная проблема. Появилось ощущение, что объективного не столь уж и много – антрополог не есть некое безусловное мерило объективности, а прежде всего он сам человек, тело, обремененное такими параметрами, как раса, гендер, сексуальность, уровень здоровья, в том числе ментального, принадлежность к социо-экономическому классу, гражданство, соответствие или несоответствие европоцентричным стандартам красоты, и так далее, и тому подобное. Появилось ощущение, что слишком многое было ранее принято без соответствующей критической экзаментации. Антрополог Гаитянского происхождения Мишель-Рольф Труйо (Michel-Rolph Trouillot) обратил внимание на «Тематическое соответствие между утопиями и травелогами паразитнографических описаний, которое не очень хорошо камуфлировалось вплоть до конца восемнадцатого века» (Труйо, 1991) и заявил, что от того, будет ли способна антропология отказаться от концепции «другого» и продвинуться далее триангуляции «порядок – утопия - дикость», будет зависеть будущее антропологии. Порядок здесь это та повседневность, которую мы считаем нормальной, утопия, то, как мы видим, сквозь розовые очки, порядок Другого, а дикость, - это то, что не вмещается в привычные нам установки. Труйо призвал к тому, чтобы отказаться от пустого «слота дикаря», который не существует, но которого мы конструируем как фигуру своим объективирующим взглядом. И опять-таки эта задача до сих пор не выполнена антропологией и, шире, обществом. Например, когда я поделилась своим вопросом «Что определяет людей в их аффективной привязанности к местам проживания?», у публики в Москве был на это готовый ответ – инерция, и прозвучало даже всем запомнившееся слово «амебы», вполне из лексики расчеловечивания людей, дескать, если люди не ищут себе сами другой, более легкой жизни, так это потому, что они на это и не способны.

Антропология довольно долго отказывалась признать, что она сама состоит прежде всего из текстов, которые являются в той или иной мере литературой. Как Мольеровский Журден, не знала, что говорит прозой. Переворот в сознании связан с именем Клиффорда Гиртца и его книгой «Антрополог как автор», впервые опубликованной в 1988, изрядно позже того, как Ролан Барт в 1967 опубликовал эссе «Смерть автора», и Мишель Фуко в 1969 году прочитал лекцию «Что есть автор?» Книга Гиртца «Антрополог как автор» требовала серьезно рассматривать антропологию как письмо, а антропологический труд как литературное произведение, то есть не отмахиваться от него под предлогом того, что это литература, но понимать, что все-таки это письмо, со всеми свойственными письму сложностями, жанровыми особенностями, печатями времени и печатями личности автора, стилем, идеологией, политическими желаниями. Ряд свойств антропологических текстов, в частности, то, что к тексту прилагается имя автора, определяют их по сути на литературной стороне дискурса более, нежели на научной, по мнению Гиртца: «Это делает нас не более новеллистами, нежели конструирование гипотез и составление формул делает нас, как, похоже,

думают иные, физиками».⁸ (Гиртц, 1988, 8). На мой взгляд, движение по осознанию антропологии как жанрового письма послужило скорее к больше осмотрительности, с какой антропология начала писаться с этого момента, нежели к умалению каких-то ее достоинств как дисциплины. В антропологии есть «хардкорные» части, которые ближе к биологии, приматологии, зоологии, нейрофизиологии, исследованию ДНК и тому, как это отражается в сознании современного человека. Но не обязательно заниматься одним из этих менее сомнительно-научных подразделов для того, чтобы производить научное знание в границах антропологии. Научное – значит, проверяемое, воспроизводимое, предоставляющее возможность для использования на базе других условий, и могущее являться основой для разработки рекомендаций для достижений определенных результатов. Если «научное» значит знание, накопленное в результате систематических исследований и организованное по общим принципам, то выяснится, что антропология знает о человеке не так уж и мало.

Жанровое разнотравье

Как, собственно, писать обо всем том, что составляет непосредственную ткань жизни? Как отметили читатели «Антропологии повседневности», эта книга составлена из разножанровья, жанрового разнотравья. Как написал мне Михаил Рожанский, «Книга построена так, что "материал" самого села рассредоточен по разным текстам, вошедшим в неё», и реквестировал «объяснение автором своего выбора формы, соединяющей разные функциональные стили - от научного доклада до поденных записей речевой стихии и стихов».

Эти тексты сладывались на протяжении многих лет, начиная с 1998 года, когда, ровно двадцать лет назад, я впервые проделала путешествие по Транс-Сибирской магистрали Москва - Ангарск. Как сказал мастер слитных сюжетов и прозы, двигаемой нарративом, Стивен Кинг в книге «О письме», в ответ на многократно в его жизни предъявляемые ему вопросы, почему он пишет эту остросюжетную поденщину, - «ну, это то, что у меня есть». В пределе, ответ на вопрос, почему эта форма, а не какая-нибудь другая, всегда – «ну, это то, что у меня есть». Собрание фрагментов, рассказов разной длины, путевых заметок, эссе, - это форма нетрадиционная для письма. Обычно в литературе от современного автора требуется роман, а в науке требуется единица высказывания, которая есть статья или глава в книге.

Однако в антропологии есть метод, известный со времен Вальтера Беньямина и его «Проекта Аркады», который называется монтаж. Беньямин на протяжении многих лет коллекционировал цитаты, которые должны были послужить к написанию грандиозного труда о Парижских «Аркадах», стеклянных конструкциях, в которых помещались магазины и модные местечки, из коих вышел фланер – особый субъект городского пространства, пересекающий город и свободным гулянием, фланированием, изучающий и изменяющий сам этот город. Более не просто ремесленник или чиновник, мастерской или торговец, монахиня или проститутка спешили из конца в конец города по своим делам, но тип созерцателя, ходящего без плана, без заранее

⁸ “This does not make us into novelists any more than constructing hypotheses or writing formulas makes us, as some seem to think, into physicists.” Geertz, 1988, 8.

известного места назначения, перекроили город по-новому, сделали его обитаемым иначе, дали пищу для странных сопоставлений, мыслей и теорий. Количество цитат, которые собрал Беньямин, одолело небольшие островки его собственного текста, и перед издателями был вопрос, в каком именно виде издавать этот труд. Некоторые хотели отсечь все цитаты как ненужные, но выбор был все-таки сделан в пользу включения в текст моря цитат с островками, написанными Беньямином, и этот труд оказался феноменально влиятельным, и вот уже многие годы является основополагающим для культурных исследований.

Совпадение с Эйзенштейновским монтажом как методом здесь неслучайно. Статья Сергея Эйзенштейна «Монтаж аттракционов» была впервые опубликована в журнале ЛЕФ в 1923 году. В ней есть слова: «Путь, совершенно высвобождающий театр из-под гнета до сих пор решающей, неизбежной и единственно возможной "иллюзорной изобразительности" и "представяемости", через переход на монтаж "реальных деланностей", в то же время допуская вплетание в монтаж целых "изобразительных кусков" и связно сюжетную интригу, но уже не как самодовлеющее и всеопределяющее, а как сознательно выбранный для данной целевой установки сильнодействующий аттракцион, поскольку не раскрытие замысла драматурга, правильное истолкование автора, "верное отображение эпохи" и т.п., а только аттракционы и система их являются единственной основой действенности спектакля». (<http://www.tokman.ru/tx18.html>)

Во многом переключается с этим и слова Виктора Шкловского, в «Третьей фабрике» он писал:

“Не хочется острить.

Не хочется строить сюжет.

Буду писать о вещах и мыслях.

Как сборник цитат.”

Хотя он связывал возникновение этого метода письма, в котором нет уже протяженности и сюжета, с требованиями времени, он отвергал поверхностное понимание этого процесса как обусловленного интересом к революции:

«Мы воспринимаем сейчас как литературу мемуары, ощущая их эстетически. Это нельзя объяснить интересом к революции, потому что с жадностью читаются и те воспоминания, которые по эпохе с революцией совершенно не связаны.

Конечно, сейчас существует и будет существовать сюжетная проза, но она существует на запасе старых навыков». (Шкловский, 8-9).

Вдохновлял меня и метод письма Ролана Барта во «Фрагментах речи влюбленного» - это набор не связанных друг с другом размышлений эссеистического характера, в которых объединяющей темой становятся страдания влюбленного. Влюбленному всё причиняет страдания, например, сложная политика телефонного звонка; он разгадывает любую обыденную фразу, брошенную объектом любви, как загадку сфинкса. Во вселенной, в которую автор аффективно вовлечен, все становится потенциально важным, а равно ни одно сообщение не является важнее другого.

Антрополог Кейтлин Стюарт в книге «Обыденные аффекты» (Ordinary Affects) нанизывает разрозненные размышления и сцены одни на другие, как бы говоря, что когда мы имеем дело с повседневностью, обыденностью, обыкновенностью нашего опыта, все его части становятся одинаково заслуживающими внимания, и если из него вывинчивается или возникает что-то возвышенное или потрясающее, оно возникает из непримечательного. Ее книга посвящена Американской обыденности.

Социальный теоретик, феминистка Белл Хукс в книге «Раны страсти: пишущая жизнь» (Wounds of Passion: A Writing Life) рассказывает о судьбе своей первой книги, которую она начала в 18 лет и смогла опубликовать только по прошествии лет, поскольку в то время, когда она начала ее, будучи студенткой Стэнфорда – это была книга о самоопределении черной женщины, -- издатели ей говорили, что эта тема не является интересной и форма ее, как набор фрагментов, тоже является непродávаемой, немаркетинговой. Когда же эта книга была опубликована, она немедленно выдвинула Белл Хукс в качестве одного из ярчайших эссеистов ее поколения.

Конечно, с Белл Хукс у меня общего только то, что моя тема в мире приблизительно так же нерелевантна, как и тема ее первой книги, только она еще и менее политически заряжена, и шансов у моей темы, у Сибирской деревни, вдруг завладеть умами мировых интеллектуалов, прямо скажем, немного. Я отдаю себе в этом отчет, но это же обстоятельство позволяет мне писать, как я хочу, а не пытаться работать в уже имеющихся формах. Именно этот метод письма, сопрягающего различные фрагменты, был мне наиболее интересен всегда как читателю, от бесконечных нотаток Розанова до дневников Цветаевой и Сильвии Плат.

Другими словами, монтаж, фрагментированное письмо, объединение текстов разных жанров, это особый жанр сам по себе, который имеет достаточно давнюю историю. Опять-таки, если мы возьмем произведения античных философов, они дошли до нас во фрагментах, и мы их знаем по пересказам и цитатам, одно из самых важных произведений в этом смысле – книги Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов». Фрагмент это первоэлемент текста, это единица высказывания.

Мы же, современники современности, доходим сами до себя во фрагментах. Вся разница между названными произведениями и тем, что делаю я, это, может быть, только то, что я это делаю чуть более радикально, включая в прозаические массивы текста стихи и называя всё это «Антропологией повседневности». Но я делаю это с идеей, что каждая необычная книга переизобретает форму книги как таковой. Другими словами, в письме можно всё. Это мой методологический базис.

Что до включения стихов, то стихи могли бы стать основой для отдельной дисциплины в системе наук, в которой они бы изучались антропологическими методами. На факультете антропологии Техасского университета в 2017 году я прочитала лекцию «Антропология и поэзия: различные языки (или нет)», в которой я говорила: «Давайте предположим, что антропология и поэзия – языки, типы языков, режимы экспрессии и самовыражения, которые позволяют нам действовать и познавать мир, изменять социальную реальность, изучать ее, понимать ее, и работать с ней. Я действительно думаю, что связи между антропологией и поэзией, каковых много, остаются неопределенным полем, и только некоторые пионеры рискуют идти этой дорогой. Почему, в самом деле, (в Техасском университете) есть факультет этномузикологии и нет факультета «этнопоэзии», как назвал его в одном из наших разговоров лингвистический антрополог Энтони Вебстер? Я

сказала ему, что я бы возразила против «этно» составляющей этого слова, что является моим возражением также и против термина «этномузыкологии»: почему мы приоритезируем этнос в изучении данных явлений, но не, например, гендер, класс, или стиль?”⁹

Необычное содержание требует какой-то необычной формы. А что есть обычное, что – необычное? Если антропология помогает посмотреть новыми глазами на обычное, обнеобычить его, изнебыточить, то стихи, фрагменты, путевые заметки, отрывистые нотатки для этого, возможно, больше подходят, нежели повествование, которое автор вогнул и втиснул в последовательность и непрерывность, которыми сама жизнь вовсе не обладает.

Библиография

Barthes, Roland.

Benjamin, Walter.

Deleuze and Guattari.

Geertz, Clifford.

Larkin, Brian.

hooks, bell.

Orlova, V. Anthropology and Poetry: Different Languages (Or Not). UT. Lecture. 09.28. 2017.

Stewart, Kathleen.

Маяковский, Владимир. “Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка.” Впервые - журнал "Чудак", М., 1929, № 46, ноябрь.

Мичурин, И.В. «Итоги шестидесятилетних трудов по выведению новых сортов плодовых растений», изд. 3-е, М. 1934

⁹ “And so let’s suggest that anthropology and poetry are both languages, the types of languages, the regimes of expression and self-expression that allow us to operate and know the world, to change the social reality, to study it, and to understand it, to work through it. I do believe that the intersections of anthropology and poetry, which are many, remain the untrodden field, with few pioneers venturing into. Why indeed there is a department of ethnomusicology and no department of “ethnopoetry,” as the linguist Anthony Webster suggested once in our conversation there could be? I told him that I would object to the “ethno” part, and this is my qualms against ethnomusicology too: is it so much about ethnos as it is about gender, or class, or style of music?” (Orlova, 09.28. 2017 UT).

Орлова В. А. “Антропология повседневности”. Ноократия, М. 2018.

Шкловский, Виктор. «Третья фабрика».

Эйзенштейн, Сергей. «Монтаж аттракционов», ЛЕФ, 1923.